

РОДНАЯ

СТОРОНА

Юрий Беспалов

ЗЕМЛЯ ВЯТИЧЕЙ

Москва
2007

ЦЕРКОВЬ-РОТОНДА В СЕЛЕ ПОДМОКЛОВЕ

*«Тихо в деревне. И стоит в зелени
белая красавица — столько лет стоит! — молчит.
Много-много раз видела она, как восходит
и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега...
Но вот стоит».*
В. М. Шукшин

В двадцати километрах от Пушкина вверх по Оке в селе Подмоклове сохранился замечательный памятник архитектуры XVIII века. Второго такого сооружения нет на Руси. Краткую характеристику памятника можно найти в 2-томном каталоге «Памятники архитектуры Московской области», где, в частности, говорится, что «усадьба в Подмоклове основана в середине XVIII века вблизи одноименного села, которым владел в это время князь Н. С. Долгоруков... Наибольший интерес в усадьбе представляет церковь Рождества Пресвятой Богородицы 1754 года — редкий по красоте и оригинальности замысла художественный памятник, стоящий особняком в русской архитектуре XVIII века».

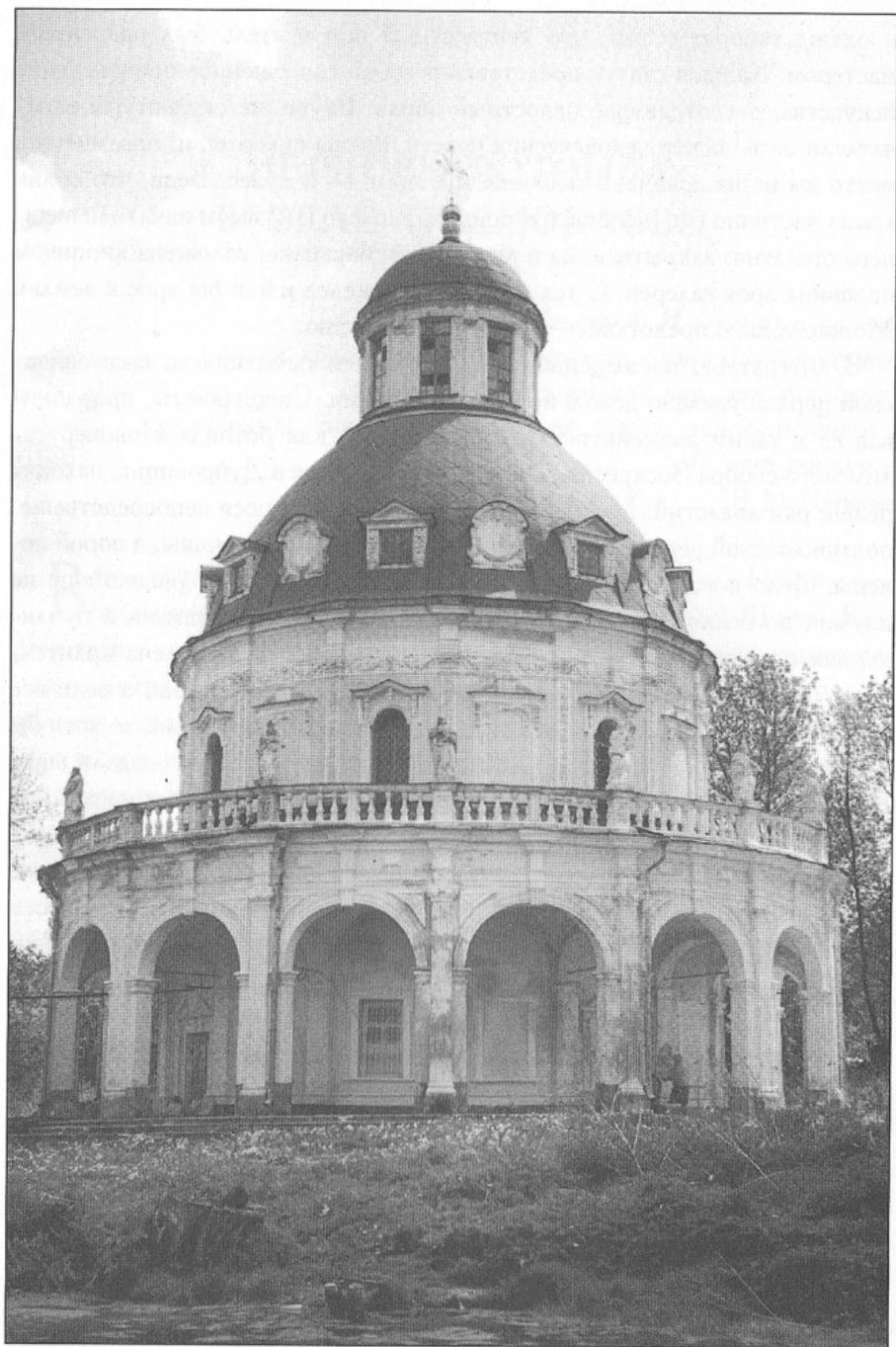
Среди памятников, находящихся в ближайших окрестностях Пушкина, этот по праву считается жемчужиной. Церковь в стиле барокко, сложена из кирпича и оштукатурена. Круглая в плане, она имеет форму 2-световой ротонды, перекрытой сферическим куполом с люкарнами и световым барабаном, завершенным полусферой. Ротонда окружена 16-пролетной аркадой, на которой установлены статуи 12 апостолов и 4 евангелистов. Пилястры, карниз, фриз и другие детали декоративного убранства здания выполнены из местного белого камня.

Говоря о подмоковском храме, нельзя не отметить белокаменные скульптуры. Выполненные в человеческий рост, фигуры библейских персонажей стоят на небольших пьедесталах со старинной надписью и установлены над каждой колонной в 8 метрах от земли. Пластичность поз, экспрессивность жестов, тщательная светотеневая проработка лиц

и одежд говорят о том, что неизвестный нам ваятель был одаренным мастером. Каждая статуя представляет собой совершенное произведение искусства, воссоздающее целостный образ. Вкупе же скульптуры запечатлели весь спектр человеческих чувств, полны красоты, и, несомненно, место им не на аркаде, а поближе к людям — в музее. Беда, что облик храма частично был испорчен в конце прошлого и в самом начале нынешнего столетия: закрыты окна в люкарнах и барабане, заложена кирпичом половина арок галерей. С тех пор храм отяжелел и как бы врос в землю. Можно только представить его былое изящество.

В литературе, посвященной архитектурным памятникам, подмокловской церкви уделено довольно много внимания. Специалисты, приравнивая ее к таким знаменитостям Подмосковья, как ротонда Новоиерусалимского собора Воскресения и церковь Знамения в Дубровицах, находят целый ряд аналогий. Между тем сведения, касающиеся непосредственно подмокловской церкви, как правило, скудны, противоречивы, а порой нелепы. Дело в том, что уникальный памятник, видимо, серьезно еще не изучен, во всяком случае, никакой статьи о его исследовании в публикациях пока что не появилось. До сих пор неизвестны имена архитектора, скульпторов и живописцев, расписывавших интерьеры, а ведь все эти люди, надо полагать, были если не именитыми мастерами, то хотя бы известными в свое время специалистами. Но кто они? Что создали еще? Подобных вопросов предостаточно. И пока искусствоведы готовят на них ответы, посмотрим на предмет взглядом историка.

Принято считать, что памятник в Подмоклове сооружен в середине XVIII века, а его строитель — князь Н. С. Долгоруков. Это не совсем верно. В Центральном государственном историческом архиве в Петербурге хранится прошение на имя императрицы Елизаветы Петровны, поданное в Синод 17 августа 1754 года секунд-майором князем Николаем Сергеевичем о разрешении освятить полностью подготовленный к тому храм в селе Подмоклове. В прошении, в частности, говорится: «...В том селе имеется церковь деревянная во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, построенная из давних лет, весьма ветха, в которой божественная служба отправляется с немалою нуждою. А в прошлом 1714 году июля 22 дня по челобитью покойного деда моего действительного тайного советника и кавалера князя Григория Федоровича Долгорукова, а по данному показанному деду моему от преосвященного Стефана Митрополита рязанского и муромского указу, вместо оной деревянной ветхой церкви велено построить каменную церковь, которая и построена, но за скорою

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Подмоклове

тогда смертию деда моего, а за отлучками моими из Москвы оная церковь в совершенство в то время приведена не была». Следовательно, строилась она не в середине XVIII столетия, а в эпоху Петра I.

С эпохи Петра и начнем. Попробуем разобраться, по каким же причинам строительство храма затянулось на 4 десятилетия. «Птенцами гнезда Петрова» называл А. С. Пушкин Меншикова, Головкина, Куракина, Шереметева и других сподвижников Петра I, среди которых был и князь Г. Ф. Долгоруков. Григорий Федорович родился в 1656 году, с ранних лет состоял стольником царицы Натальи Кирилловны, а позднее — комнатным стольником юного Петра с обязанностью жить в тех покоях будущего императора. При учреждении Преображенского полка служил в нем капитаном и участвовал в обоих Азовских походах. Когда началась Северная война, Долгоруков был произведен в генерал-адъютанты и отправлен в Варшаву в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра с главной задачей привлечь Польшу на сторону России для совместных действий против шведского короля. Вернувшись оттуда, принял участие в сражении и в день победы под Полтавой пожалован деревнями, чином действительного тайного советника и снова отправлен в Варшаву. Между 1712 и 1715 годами Долгоруков жил в России. Потом — опять Варшава, и только в 1717 году Григорий Федорович навсегда вернулся в Россию, передав пост посланника при посольском дворе своему сыну Сергею. Умер Г. Ф. Долгоруков 18 августа 1723 года на 67-м году жизни и в присутствии царя был торжественно погребен в Александро-Невской лавре в Петербурге. Женой Григория Долгорукова была Мария Ивановна, дочь боярина Ивана Андреевича Голицына, родившая князю четверых сыновей и дочь.

По последней в допетровскую эпоху переписи 1678 года село Подмоклово принадлежало боярам Голицыным, упомянутому Ивану Андреевичу и известному Василию Васильевичу, фавориту властолюбивой сестры Петра Софьи. Петр, отняв у сестры корону, прежде всего расправился с В. В. Голицыным: обвинил его во всех неудачах Крымских походов и сослал до конца его дней в Архангельский край, а имение отписал в казну.

Вероятно, половина села Подмоклова досталась Долгорукову в качестве приданого за женой Марией Ивановной, в то время как вторая половина могла быть подарена ему Петром I из имений, конфискованных у В. В. Голицына.

Подмокловская церковь прекрасна и загадочна. Загадочна уже тем, что совершенно не похожа на другие в России. И если несколько умерить

эстетический восторг, задуматься, то нетрудно уловить здесь заметное влияние итальянской архитектуры позднего Возрождения, особенно таких корифеев, как Броманте, Рафаэль и Андреа Палладио. Взгляните на картину раннего Рафаэля «Обручение Марии». Не изображенный ли на ней храм венчает композицию подмокловской церкви? Раскройте мысленно ее аркаду да завершите купол рафаэлевского световым барабаном, и оба храма окажутся похожими, как две капли воды. А на картине великого художника запечатлен идеальный образ Иерусалимского храма!

Идея создания прекрасной церкви в приокском селе возникла задолго до получения разрешения на строительство. По крайней мере лет за пятнадцать. В 1697 году Г. Ф. Долгоруков вместе с другими сподвижниками Петра был послан «повелением монарха» в европейские страны «для всякие хитрые науки». Посланцы из России побывали в Германии, Голландии, Франции и Италии. Как след этого путешествия, сохранились дневниковые записи «Журнал путешествий». Вот несколько записей из него.

«В Венеции были в церкви, которая вся из мрамора белого, образ Пресвятые Богородицы высечен из белого мрамора... предивной работы». «Был в греческой церкви, во имя святого мученика Георгия; украшена изрядно». Во Флоренции «...видел церковь, которую строят 96 лет, а еще недостроена половина, вся внутри из разных мраморов и яшмы, все камень в камень врезаны, такая работа, что невозможно верить». В Риме «...были в церкви Петра и Павла, церковь в длину 160 шагов, поперек 100, обита камками красными, по швам кружева золотые» и «...в той церкви был, которая прежде была всех болванов, а нынче всех святых, зело велика, кругла». К началу сентября автор записок возвратился в Венецию, чтобы оттуда отправиться в Москву.

Более 100 лет историки не могут решить, кто автор рукописи дневника. Называют десятки фамилий и в числе претендентов на авторство Г. Ф. Долгорукова. Есть и еще один, менее загадочный, но не менее любопытный документ: древнейший на сегодняшний день русский трактат по архитектуре. Трактат, снабженный множеством чертежей, знакомит соотечественников с «деланьем палат», сообразно ордерной системе и сообщает о методах производства самих работ. Построен сей труд на вольном извлечении из известных итальянских трактатов по архитектуре с привлечением данных о польской строительной практике и называется «Архитектура цивильная выбрана из Палладиума славного архитектора и из иных многих архитекторов славных... писана в Венеции лета 1699

году месяца сентября учением и тщанием будучи тамо господина князя Долгорукова».

Даже не обладая большой силой воображения, можно смело ставить отсутствующие в рукописи инициалы «Г. Ф.». Впрочем, и исследователи почти едины во мнении: в их списке фамилии Долгоруковых — претендентов на авторство трактата — первым стоит имя Григория Федоровича.

Возможно, трактат и есть та самая тонкая ниточка, что тянется от солнечной Италии к раздольным берегам Оки. Трудно удержаться от дерзкого предположения. А не был ли князь и автором проекта церкви? Или соавтором? Ну, скажем, разве не мог бы под впечатлением увиденных в Италии шедевров нарисовать эскиз и за приличную плату нанять профессионального исполнителя? Зодчих же в России было достаточно. И своих, и заезжих.

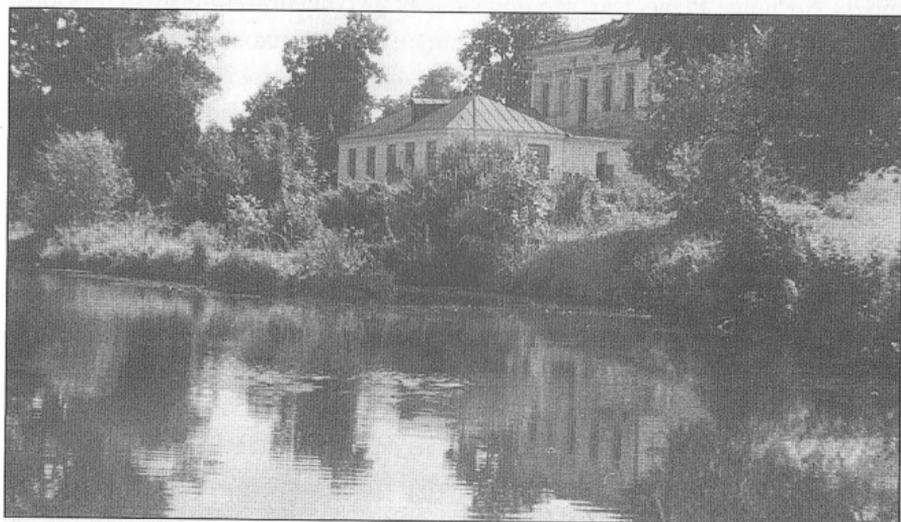
Кого только не было в петровские времена в Москве! И датчан, и англичан, голландцев, немцев, итальянцев?! Предоброму мастеру москвичи, терпимые к иноверцам, не отказывали в гостеприимстве. Из документов известно, что в 1703 году по приглашению правительства приехал в Москву из Копенгагена архитектор Доменико Трезини в сопровождении «мастеров резного дела» — итальянцев Пьетро Джемми, Иоана Мариа Фонтана, Гелеоса Квадро, Карло Ферраро, Доменико Руско и «палатного дела мастера» Бернарда Скала.

Может быть, автора подмокловской церкви следует искать среди спутников Трезини? Известно, что прибывшая из Копенгагена артель работала на отделке храма Знамения в Дубровицах и Меншиковой башни в Москве. Но с 1707 года дальнейшая судьба этой артели мастеров, как говорят, покрыта мраком. Да и об архитекторе Трезини не все ясно. Его творческая биография до сего времени мало изучена. С 1706 года архитектор строил Петербург, и его строения, отмечают специалисты, при отличном знании дела «обнаруживают отсутствие ярко выраженной индивидуальности». Для нашей версии такая характеристика подходит. В композиции подмокловской церкви явное заимствование у Рафаэля, хотя само исполнение отличное. Подмокловская даже светлее, чем на картине. В ней окон больше, и размером они больше. Правда, Петр I требовал от архитекторов Петербурга Леблона и Трезини, строивших жилые дома, чтобы окна-то как раз делать поменьше, «понеже у нас не французский климат». И пусть имя Трезини ассоциируется прежде всего с Петербургом, с совершенно непохожим на нашу церковь собором Петропавловской крепости, исключать его из возможных авторов пока что не будем. Слишком узок круг зодчих, к кому

бы мог обратиться Долгоруков. Короче говоря, выяснение авторства — дело серьезное. Не стоит гадать, фантазировать тем более что тайна эта — далеко не последняя.

Закладка храма в 1714 году, как значится в челобитной, представляет собой событие особого рода, поскольку именно в этом году вышел указ, категорически воспрепятствовавший строительству каменных зданий по всей стране, за исключением северной столицы. Запрет действовал до 1727 года. Считается, что строгий указ явился главной причиной затянувшегося строительства. Действительно, сооружение многих каменных зданий в Москве, «начатых строением», до появления указа приостановилось. Между тем стоит только внимательно просмотреть тот же каталог «Памятников», как по датам можно отобрать факты нарушения запрета. В целом по Подмосковию отступлений от правила наберется с десяток. Церкви строились во владениях Апраксиных, Прозоровских, Толстых, Стрешневых. Прибавим сюда не менее известную фамилию владельца приокского села Долгорукова.

В 1722 году Синод запретил украшать скульптурами православные храмы. В постановлении Синода от 21 мая 1722 года было указано: «Иконы резные или истесанные, издолбленные и изваянные запретить по примеру церквей греческих, кроме обретающихся искусною резьбою сочиненных распятий и иных неких, штукатурным мастерством устроенных и на высоких местах поставленных кунштов». (Кунштами в старину назы-

Село Подмоклово. Усадьба

вали гравюры или резцовые картины. — Ю. Б.). Спустя месяц постановление Синода появилось в Сенате. Сенаторы (среди них был и князь Г. Ф. Долгоруков) не сразу утвердили его, ждали конца лета и возвращения из персидского похода императора. И вполне очевидно, что белокаменные скульптуры успели вовремя занять свои места на фасаде подмокловской церкви.

Подмоклово существовало в основном как доходное село или, говоря иначе, — «экономическое». Семья владельца, постоянно проживавшая в столице, наезжала иногда и жила в нем летним временем. Сам князь заглядывал сюда не чаще других. Ровно через год после закладки храма он уехал в Варшаву, а еще через год обратился с просьбой к царю заменить его на посту посланника. Царь уважил 60-летнего дипломата, преданно служившего многие годы вдали от дома, отозвал на родину и назначил сенатором. Несомненно, теперь приезды в село для присмотра за строительством участились и все же не настолько, как того хотел князь. Удерживала новая должность. Одним из указов Петр обязал сенаторов являться на службу 3 раза в неделю. За каждый день отсутствия без уважительной причины с сенатора взимался штраф в размере 50 рублей.

Только за год до кончины, когда сенаторы надолго перебрались в Москву и отправили в Каспийский поход царя, Г. Ф. Долгорукову представилась, наконец, возможность насладиться прелестью сельской жизни на берегах Оки. После того как Г. Ф. Долгорукова не стало, Подмоклово перешло во владение одного из его сыновей. Село унаследовал Сергей Григорьевич, тоже дипломат, некогда заменивший своего отца в Польше. Был он и умен, и обладал отменными способностями. Но лишь одно существенно отличало его от отца — неразборчивость в средствах. И еще Сергей Григорьевич был честолюбив. Стоит заметить, что неразборчивость и честолюбие — сочетание не лучшее. Для С. Г. Долгорукова оно оказалось причиной трагедии.

Предки нынешних подмокловцев не поспешили на легенды. В 1913 году журнал «Старые годы» поместил в декабрьском номере крохотную статью о церкви в Подмоклове. В ней сообщалось: «...народное предание окрестных мест упорно утверждает, что в этом приходе должно было быть совершено бракосочетание императора Петра II с двоюродною сестрою храмоздателя, княжной Екатериной Алексеевною Долгоруковою». В свою очередь, это сообщение являлось извлечением из книги «Приходы и церкви Тульской епархии». Но могло ли произойти венчание монарха в провинциальном храме? Без пушечной пальбы из Кремля, без звона всех

колоколов златоглавой? Вряд ли. И все же доля истины в этой легенде имеется.

После смерти Петра I вступившая на престол Екатерина поручила воспитание царевича Петра Алексеевича старшему сыну Г. Ф. Долгорукова Алексею.

В ту пору взаимная вражда между светлейшим князем Меншиковым и родом Долгоруковых, длившаяся несколько лет, достигла зенита. Круговерть придворных интриг вынесла Долгоруковых наверх, в то время как светлейший, лишенный чинов, орденов, имений и драгоценностей, отправился под стражей в Березов. В феврале 1728 года царевич Петр торжественно въехал в Москву, а 3 недели спустя пушечный салют возвестил о его коронации. В Москве, которая вновь сделалась столицей, Долгоруковы окружили мальчика на троне непроницаемой стеной своей опеки. Надо было во что бы то ни стало отвлечь царя от серьезных дел и вершить их по собственному усмотрению, хотя и «именем государя».

Воспитатель государя, алчный недалекий человек, пристрастив бывшего воспитанника к кутежам и псовой охоте, часто увозил его в Горенки.

Здесь на пирушке, во время последней охоты, длившейся около двух недель, А. Г. Долгорукову удалось склонить 14-летнего императора на брак со своей 18-летней дочерью Екатериной. И опять загрела пальба, ударили в колокола по всей столице, на этот раз по случаю обручения его величества с княжной Долгоруковой. Княжна стала именоваться «государыней невестой».

Однако свадьба не состоялась. Накануне, принимая военный парад на льду Москвы-реки, император Петр II простудился, заболел и скоропостижно умер 19 января 1730 года, в день, назначенный для свадьбы.

Боязнь за собственное положение принудила потомков Г. Ф. Долгорукова собраться всем вместе. Даже владетель Подмоклова приехал из Варшавы. Задача была одна: любой ценой, любыми средствами удержать ускользающую власть. Не придумав ничего достойнее, Долгоруковы попытались возвести на престол «государыню невесту» с помощью подложного завещания. Письмо, якобы исходившее от самого Петра II, редактировал и набело писал Сергей Григорьевич.

По воцарении на престол Анны Иоановны фавориты покойного императора подверглись гонениям. «Государыня невеста» с отцом и братом были сосланы в Березов, а Сергей Григорьевич, лишенный всех имений, поехал с семьей в только что отстроенную крепость под Воронежем. Но драма, разыгравшаяся над родом Долгоруковых, этим не закончилась.

После 8 лет ссылки брат Екатерины Алексеевны по доносу вновь оказался под следствием, подвергся допросу «с пристрастием» и, измученный пытками, рассказал все о подложном письме.

За несколько дней до раскрытия тайны С. Г. Долгоруков по ходатайству своего тестя барона П. П. Шафирова был призван ко двору, помилован и назначен послом в Лондон. Но признание племянника на допросе спутало все карты. Вместо Лондона — снова крепость, теперь уже Шлиссельбургская. Его имение в Подмоклове было отписано в дворцовое ведомство. В том же 1730 году управитель «опальной вотчины» сообщил в Дворцовую канцелярию о невыполненных работах в храме: не были закончены столярные работы, не были готовы иконостас и иконы. В ноябре 1739 года князей Долгоруковых свезли в Новгород, где над ними состоялся суд. Долгоруковых обвинили в подлоге завещания и намерении учинить смуту. Сразу после суда четверо Долгоруковых, включая Сергея Георгиевича, были казнены на болоте у Скудельничьего кладбища под Новгородом. Сыновья князя Сергея, Николай и Петр Сергеевичи, после казни их отца были отданы в солдаты.

Пережил все беды и невзгоды лишь внук Г. Ф. Долгорукова — Николай Сергеевич. В конце 1740-х годов ему вернули дворянский титул и родовое имение. Умер князь в 1784 году, оставив память о себе только тем, что освятил уникальную церковь.

В 1930-х годах подмокловская церковь была занесена в списки памятников, охраняемых государством. Позднее предполагалось создать в ней музей древнерусской живописи либо приспособить ее под сельский клуб, но эти планы не осуществились, и церковь оставалась безнадзорной. Наконец, с 1983 года трест «Мособлреставрация» приступил к реставрации памятника. К тому времени здание церкви находилось в аварийном состоянии. После проведения противоаварийных работ отремонтировали кровлю. Раскрыли проемы аркады, расчистив их от стенок и перегородок XIX века, провели консервацию белокаменных скульптур. 4 скульптуры уже упали с галереи и, серьезно поврежденные, валялись в хламе рядом с церковью.

В связи с реставрацией памятника проводились исследования как натурные, так и архивные. В результате в архивах были выявлены неизвестные до сих пор документы, относящиеся к его строительству. Из этих документов выяснилось, что строительство подмокловской церкви осуществлялось в 2 приема. Оба раза работали на стройке русские мастера. Сначала Григорий Федорович Долгоруков заключил подрядный

договор с артелью каменщиков Алексея Апурина, который «с товарищи» подрядился построить церковь «круглую по чертежу по повелению иноземца Лоренца фон Фикина. За работу рядили денег триста рублей». Однако из-за разных причин строительство было приостановлено. Возобновилось оно два года спустя. Теперь подрядчиком выступил глава артели каменщиков Иван Каландин. Его артель — 33 каменщика — подрядилась за 440 рублей достроить церковь до 1720 года, и, насколько известно, достроила.

Пожалуй, наиболее интересен контракт на изготовление белокаменного декора и скульптур, датированный 9 апреля 1720 годом. В нем, в частности, говорится: «Каменного дела резчики, подрядчик Иван Афанасьев сын Зимин да с ним семь работников, подрядились... безотходно около церкви ... как при абризе (абриз — (абрис) — рисунок без теней. — Ю. Б.) той церкви нарисовано вырезать самым добрым мастерством... на тунбах на паперти двенадцать апостолов, четыре евангелиста, мерою против образца... все вырезать... как показано будет архитектором капитаном иноземцом Андреем Шульцом и им в том ему капитану во всем быть послушным. А рядили они от той всей резьбы за работу денег двести пятьдесят рублей... И потом, совсем наготово вырезав, поставить в надлежащие места означенные апостолы и евангелисты».

Найденные в архивах контракты свидетельствуют о том, что все работы по возведению уникальной церкви выполнялись русскими мастерами по рисункам-образцам. Профессиональные каменщики и камнерезчики трудились под опекой наставников-иноземцев Лоренца фон Фикина и Андрея Шульца. О самих иноземцах, о их профессиях ничего не известно. Но ясно главное: ни один из них не был ни автором архитектурного проекта подмокловской церкви, ни автором оригинальных скульптур.

В 1990-х годах реставраторы возвратили белокаменные скульптуры на свои места. Правда, вернулись на фасад подмокловской церкви только 11 фигур, 5 фигур — апостолы Андрей Первозванный, Яков, Иоанн и евангелисты Марк с Лукой — переместились в Серпухов в филиал Историко-художественного музея в Троицком соборе и украшают музейную экспозицию. В 1993 году, еще до окончания всех реставрационных работ, храм села Подмоклова был возвращен верующим.

СТРАШНЫЙ СУД, ИЛИ ЛЕРМОНТОВ В АДУ

Подмокловская церковь — один из наиболее интересных памятников Петровской эпохи, воплотивший в себе черты западноевропейского барокко. Необычная форма храма, декоративное убранство ее фасадов, уникальные белокаменные скульптуры давно привлекают к себе внимание посетителей. Но была здесь и еще одна достопримечательность, которая уже утрачена и, очевидно, навсегда. При входе в храм на западной его стене находилась стенная роспись — уникальная фреска с изображением страшного суда и мучений грешников в аду. В числе грешников оказались известные и очень уважаемые в России люди.

Надо отметить, что подмокловской церкви уделялось довольно много внимания: ее изучали, о ней писали, тогда как о фреске «Страшный суд» сведений фактически нет. Неизвестно, когда фреска была написана, кто ее автор, кто заказчик и, наконец, за что, за какие грехи живописец-моралист отправил достойных людей в пекло. Высказываются некоторые версии, однако пока они не выдерживают никакой критики. Один лишь пример. В серьезном журнале «Нева» за 1964 год промелькнула заметка «Месть царедворца», где заказчиком фрески объявлен владелец Подмоклова князь Николай Долгоруков. «Престарелый князь, — сообщается в заметке, — гневно отзывался о творчестве Лермонтова и, желая опорочить поэта, заказал для храма картину», на которой в аду «в когтях у главного демона был изображен Лермонтов». Курьез в том, что «престарелый князь», невзлюбивший великого поэта, умер за 30 лет до того, как родился Лермонтов.

В годы «безбожной пятилетки», а точнее, в 1935 году, фреску срезали со стены и отправили сначала в Москву, затем в город на Неве, в Музей истории религии и атеизма. Музей размещался в Казанском соборе, и подмокловская фреска выставлялась там до возвращения собора православной церкви. На учетной карточке музея записано: фреска «Страшный суд» (Лермонтов в аду); на ней изображены известная актриса начала XIX века Е. С. Семенова, поэт М. Ю. Лермонтов... и ряд других исторических лиц.

Репродукция фрески «Страшный суд». Село Подмоклово

На самой фреске изображен Божий суд: наверху, налево от Судьи, идущие в рай праведники, в правом нижнем углу — низвергнутые в ад грешники. Среди грешников выделяются 2 фигуры: черный крылатый бес, держащий правой рукой белотелую даму, левой же — кусок свитка с обличительным словом «Прелюбодейц». В даме вероятнее всего угадывается артистка Семенова. Попытаемся выяснить, не грешил ли сам автор фрески против истины, заклеив позором замечательную актрису, которую А. С. Пушкин называл «единодержавною царицею трагической сцены».

Екатерина Семеновна Семенова в самом начале своей артистической карьеры сблизилась с сенатором князем Иваном Алексеевичем Гагариным, человеком очень богатым, пользовавшимся высоким положением как на службе, так и в литературно-артистических кругах. Жила артистка в роскошном доме князя. После 15-летнего сожительства, имея четверых детей, Семенова и Гагарин по настоянию родственников князя обвенчались. Затем супруги переехали из Петербурга в Москву. В 1832 году Екатерина Семеновна овдовела. Ровно через год после смерти князя выдала свою старшую дочь Надежду замуж за директора департамента Министерства юстиции Матвея Михайловича Корниолина-Пинского. Молодожены обосновались в Петербурге. Прожив с мужем около трех лет, Надежда Пинская поехала навестить матушку в Москву, с тех пор супруги стали жить в разъезде. Потом до Пинского дошли слухи, что его жена вступила в связь с московским купцом и в разлуке с мужем несколько раз рожала и сдавала детей в воспитательный дом. Началось уголовное преследование. В 1845 году, узнав, что жена его снова беременна и скрывается по городам, Пинский отправил агента найти беглянку, чтобы подвергнуть ее врачебному освидетельствованию. В конце концов супружескую неверность удалось доказать, супруги получили развод. Дело рассматривалось в Московской духовной консистории. Современники отмечают, что дело было громкое и вместе с тем грязное. Мать Пинской княгиня Гагарина, она же любимая многими артистка Семенова, приложила все силы, чтобы выручить дочь из беды: хлопотала, добивалась благосклонности чиновников, врачей, адвокатов, разумеется, за денежное вознаграждение. Судебное дело затянулось надолго. Княгиня, не дождавшись его завершения, в 1849 году скончалась на руках дочери. В 1857 году суд вынес решение: Пинская обвиняется в нарушении супружеской верности и приговаривается к заключению в монастырь. Всего вероятнее, на фреске, чуть выше Семеновой, между двух бесов, изображена ее дочь Надежда. Слово «прелюбодейц» относится, скорее, к ней, а мать, портрет которой многие знали

по журнальным публикациям, оказалась в роли знака (сегодня бы сказали «бренд». — Ю. Б.).

Не исключено, что подобное могло произойти и с портретом Лермонтова. В конце XIX века довольно широко в России отмечалось 50-летие со дня гибели великого поэта. В Пятигорске открыли музей Лермонтова и установили ему памятник; переиздавались его сочинения, а газеты и журналы наперебой публиковали статьи о нем, воспоминания современников.

Так, журналист газеты «Северный курьер» в мае 1900 года рассказал читателям о подмокловской фреске и, страстно защищая Лермонтова, обвинил ее автора в кощунстве. В статье говорится: «Он (Лермонтов. — Ю. Б.) погиб на дуэли и потому должен идти в ад»... — таково было рассуждение художника, перенесшего свою дикую возмутительную фантазию на полотно церковной картины». Заканчивает журналист статью совсем пафосно: «...Глумление над памятью великого человека и где же — в церкви, в доме молитвы, прощения и братской любви». На это в следующем номере газеты представитель церковной власти достаточно внятно объяснил: «Лермонтов, повинный как дуэлист... в трех тяжких грехах: убийстве, самоубийстве и неповиновении властям».

Обратимся теперь к событиям, происходившим в год гибели поэта и несколько лет спустя.

После злополучной дуэли тело Лермонтова перевезли в Пятигорск в дом капитана Чилаева, где поэт снимал квартиру. Священник Скорбящинской церкви Василий Эрастов отказался принять участие в погребении, закрыл двери храма и унес с собой ключи. Друзья поэта уговорили настоятеля той же церкви протоиерея Павла Александровского похоронить убитого дуэлянта на местном кладбище. Запись в церковной книге гласит: «Поручик Лермонтов 17 июля погребен, погребение пето не было».

Вскоре Василий Эрастов написал донос, на основании которого было заведено дело «О погребении протоиреем Павлом Александровским тела наповал убитого на дуэли поручика Лермонтова и не внесении протоиреем в доходную кружку причта для обыкновенного раздела полученные им за погребение 200 рублей ассигнациями». Суд после 2-летнего разбирательства оштрафовал протоиерея на 25 рублей в пользу бедных духовного звания и указал: «впредь подобных самоубийц церковной чести не сподоблять».

На фреске в правом нижнем углу изображен М. Ю. Лермонтов, объятый пламенем ада. Над ним помещен портрет священника, лица которого мы не знаем, но вправе предполагать, что имя его — Павел Александровский. Не случайно же он оказался рядом с Лермонтовым.

Когда же была создана эта фреска? Известно, что подмокловская церковь возобновлялась, иначе говоря, подвергалась значительным переделкам в 1883—1893 годах. Во время ремонтных работ несколько арок на западной стороне здания были заложены кирпичом и заштукатурены. На одной из вновь возведенных стен нового церковного притвора и была написана фреска «Страшный суд». Ее размеры почти совпадают с размерами арки. Следовательно, можно смело говорить о том, что фреска написана в девяностых годах XIX столетия, именно тогда, когда в России отмечали 50-летие со дня гибели великого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Теперь, наконец, можно определить и заказчика фрески. Для начала перечислим владельцев подмокловского имения. В первой половине XVIII века селом владели строители церкви князя Долгоруковы. В 1781 году оно перешло к Тютчевым, затем начиная с 1833-го, селом владели Васильчиковы, а в 1890-х годах имение приобрел серпуховской фабрикант Рябов. Известно, что на любую серьезную работу по устройству храма требовались средства. Жертвовали их благотворители, имена которых непременно заносились в церковные книги навечно. Фиксировалось главное. Писали, например, что храм возобновлен тщанием или усердием такого-то лица, и указывали дату. Благотворителей, отличившихся особым усердием, могли похоронить в церкви.

Кстати, такой чести удостоилась Анастасия Алексеевна Васильчикова. Упокоена она в самом храме у правого клироса в 1869 году. За 7 лет до ее кончины с юго-западной стороны церкви были построены каменная 2-ярусная колокольня и каменная же ограда вокруг церковных сооружений. Что касается фрески «Страшный суд», то ни жертвователю средств на стенную роспись, ни автор ее, ни заказчик не зафиксированы в церковных документах. Впрочем, в конце XIX века церковь была не усадебной, а приходской, и помещики, вырубавшие свои вишневые сады, давно уже не указывали служителям церкви, как, где и что рисовать. По штату подмокловской церкви полагался один священник, который и мог единолично, хотя, разумеется, с позволения Синода, решить, как, где и что надобно изображать. Однако без веских доказательств мы не вправе обвинять кого-то в кощунстве, и потому вопрос и об авторстве фрески «Страшный суд», и о заказчике, и о времени ее создания пока остается открытым.